

ГНОСЕОЛОГИЯ И ОНТОЛОГИЯ В ФИЛОСОФИИ НИКОЛАЯ КУЗАНСКОГО

Различные исследователи философии Николая Кузанского делают акцент либо на онтологическом, либо на гносеологическом аспекте его воззрений. В данной работе на материале трактата «Об ученом незнании» рассматривается связь между гносеологией и онтологией в философии Кузанца.

Особенности «ученого незнания», лежащие «на поверхности»

В начале трактата «Об ученом незнании» Николай Кузанский пишет: «Удивление, влекущее за собой философию, предшествует желанию знать». В самих воззрениях Кузанца мы выделяем в качестве удивительных два момента: 1) рассуждения о *незнании* как основе познания, 2) утверждение о *несоизмеримости* как о фундаментальном свойстве вещного мира и основе недостижимости для ума, измеряющего все, цели его деятельности.

Нет ничего удивительного в том, что познание отправным пунктом имеет незнание, но нам привычно считать это незнание переходящим: оно сменяется знанием, когда цель познавательной деятельности достигнута. Античная философия в лице Платона и Аристотеля проникнута пафосом принципиальной познаваемости мира: неточность знаний коренится в материи, но сущности вещей (идеи, формы) ум способен знать точно. В этой традиции именно знание, а не его отсутствие, характеризует суть мышления. На первый план незнание выступает у скептиков, но именно как отрицание познания и знания. По отношению к этим философским традициям утверждение, что незнание есть основа знания, является неожиданным *поворотом* мысли, задает необычное *видение* гносеологической проблематики. Действи-

тельно, незнание начинает рассматриваться как нечто самостоятельное, не уничтожающее знание, а являющееся порождающим основанием по отношению к нему.

Аналогичный поворот мысли обнаруживается и в подходе Кузанца к несоизмеримым величинам. В современной математике иррациональные числа рассматриваются наряду с рациональными, как равноправная часть множества действительных чисел. Однако рациональные числа однозначно определяются через натуральные числа и алгоритмические процедуры соизмерения, а иррациональные не могут быть определены конечными алгоритмами¹, поэтому все современные теории чисел построены как способы определения иррациональных чисел через рациональные². Таким образом, и для современной математики, так же как для античной, иррациональные величины являются логически вторичными. Переворачивание этого логического отношения, придание иррациональным числам статуса первичности выглядит чем-то неожиданным и необычным.

Николай Кузанский меняет статусы первичности/вторичности и в отношении знание – незнание и в отношении соизмеримость – несоизмеримость. Эта при-

¹ «Наибольшая общая мера двух величин α и β может быть найдена с помощью процедуры *антифарейсиса*, известной под названием алгоритма Евклида. (...) Факт несоизмеримости двух данных величин может доказываться тем, что при антифарейсисе этих величин последовательность подходящих частных подчиняется некоторому закону, заведомо *не допускающему ее окончания*» [Щетников, 1997. С. 18–19].

² Так, согласно Дедекинду, иррациональные числа определяются через сечения в области *рациональных чисел* [Фихтенгольц, 1966].

нципиальная смена умозрения, характерная для существенных преобразований в онтологической картине мира³, и является удивительной, на наш взгляд, в философии немецкого мыслителя.

Пропорция как предметно-онтологическая модель знания

Программный труд Николая Кузанского «Об ученом незнании» самим названием задает гносеологическую направленность, и начинается он с обсуждения именно гносеологической проблематики. Кузанец пишет: «Все исследователи начинают суждение с неизвестного, сравнивая его с заранее полагаемым известным (...) Всякое исследование основано на сравнении и пользуется средством сопоставлений. (...) Пропорция, выражающая согласованность в чем-нибудь, с одной стороны, и разобщенность, с другой, не может быть понята без помощи числа» [Николай Кузанский, 1937]. Исходный тезис Кузанского: точное знание недостижимо при познании Бога, поскольку бесконечность божества (абсолютного максимума, по Кузанцу) несоизмерима с конечным человеческим умом, но также и при познании конечных вещей – каждая из вещей уникальна и между ними нет точного равенства.

Запишем отношение X/M , где X – неизвестное, M – известное, выступающее ме-

³ Уместно сравнить это с одним из современных революционных преобразований в научных представлениях, предпринятых И. Пригожиным. В теории Пригожина произведен переворот статусов первичности/вторичности в отношении понятий равновесности и неравновесности систем. Вот характерный образец рассуждения И. Пригожина, в котором он выявляет основания современной квантовой механики и предлагает их альтернативу: «Мы сталкиваемся здесь (в теории квантования Бора–Зоммерфельда. – А. Н.) с самой сутью идеализации в физике (курсив наш. – А. Н.). Следует ли квантовую механику систем в конечном объеме (и следовательно, с дискретным спектром энергии) считать основной формой квантовой механики? Ответив на этот вопрос утвердительно, мы будем вынуждены рассматривать задачи, связанные с распадами, временами жизни и т. п., как требующие дополнительных “приближений”, включающих предельный переход к бесконечным системам для получения непрерывного спектра. Может быть разумно занять противоположную позицию и считать, что еще никому не удавалось видеть атом, который бы не высвечивался, будучи приведенным в возбужденное состояние» [Пригожин, 1985].

рой. Оно является *моделью знания*⁴. Важно, что это, во-первых, *предметная* математическая модель, а во-вторых, это *онтологическое*, объективированное представление знания. Действительно, реальность познания и знания первично, непосредственно существует для мыслителя как *познавательная деятельность*. Эта деятельность может быть по-разному осознана и объективирована в виде противостоящего мышлению предмета, и движение философской мысли существенно зависит от результата этой процедуры.

Мы полагаем, что указанное отношение в качестве предметно-онтологической *модели знания* была тем *первоначальным мыслительным средством*, которое позволило Николаю Кузанскому выразить исходную интуицию «ученого незнания» и развернуть ее в метод, особым образом связывающий онтологическую и гносеологическую проблематики.

Проделаем экспликацию содержания указанной модели.

Социокультурные предпосылки актуализации гносеологической проблематики

Исходя из рассмотрения исторической ситуации, сложившейся в Европе в XV в., и также политической деятельности Николая Кузанского, можно предположить, что главная интеллектуальная проблема, которую решал своей философией немецкий кардинал, – это *синтез* различных, зачастую противоречащих друг другу онтологических картин и *восстановление единства онтологии в условиях нарастания социокультурных противоречий*. Действительно:

1. Деятельность гуманистов направлена на возрождение языческого мировосприятия, что заново актуализирует противоречия между античной философией и христианством.

2. Католическое богословие вступает в полемику с православным (Флорентийский собор), при этом заново обнажаются противоречия в догматике и соответствующих методах мышления.

3. В этих условиях заново проявляются противоречия между философией Аристотеля, легшей в основу схоластики, и пла-

⁴ Понятие модели – это *наше* средство реконструкции. Очевидно, у Кузанца понятия модели не было и приписывание ему такого понятия было бы некритической модернизацией истории.

тонизмом, развернутым неоплатониками, а также усвоенным и переработанным в православном богословии. Это, во-первых, противоречие между мышлением, регулирующим себя законами формальной логики и диалектическим мышлением, а во-вторых – между отсутствием трансцендентного мира начала в онтологии Аристотеля и признанием Платоном и неоплатониками трансцендентного начала мышления и бытия – Единого.

4. Схоластическое богословие, рационализируя религиозное отношение, доводит его до форм рассудка, что не отвечает стремлению верующего человека к личному общению с Богом. В противоположность этому немецкими мистиками (Экхартом и др.) утверждается иной духовный опыт.

5. Схоластика по методу и результатам не удовлетворяет запросы ремесленного производства, медицины, архитектуры и строительства, изготовления машин и т. д.

6. Схоластический метод испытывает кризис собственных оснований, что выражается в номинализме У. Оккама и его последователей, согласно представлениям которых знаниям в виде терминов и суждений нет прямого соответствия в реальности вещей.

Кузанец не усомневал догматы католической веры и стремился разрешить указанные противоречия в рамках христианского мировоззрения.

Логическая особенность ситуации разрушения единой онтологии состоит в том, что содержания онтологических положений лишаются бытийного статуса, приобретают статус *лишь знаний*. Тем самым знания противопоставляются *непознанной реальности объекта*. Существование объекта может не усомневаться (так, например, для Николая Кузанского доказательство существования Бога не является главным), но проблемной становится познание того, *каков именно объект на самом деле*. На первый план выходит *гносеологическая проблематика*.

Если знания противопоставлены объекту, должен быть задан тип отношения между ними. Кузанский определяет его как *сравнение*. Сравнение – простейшее осознаваемое действие ума, это также и математическая операция, выступающая в геометрии как соизмерение величин. Таким образом, знание может быть понято как отношение измеряемого к мере.

Интеллектуальная ситуация может быть *отрефлектирована* и названа ситуацией *незнания*. Она может быть осознана не как случайная, а как относящаяся к норме познания. *Незнание* может быть понято как особый *способ* организации мысли, когда противопоставление знания и его объекта становится осознанным *регулятивом* познания. Этот способ предполагает удержание всякого знания *одновременно в двух разных статусах*: в статусе «точного» – *видения* и «схватывания» объекта как он есть, и в статусе «неточного», – т. е. расходящегося с объектом. Такой способ позволяет *проблематизировать* имеющиеся знания, искусственно продлевать или воссоздавать проблемную ситуацию.

Онтологические предпосылки модели знания у Николая Кузанского

Описывая знание как пропорцию, Николай Кузанский с самого начала указывает на *несоизмеримость* измеряемого и меры. *Несоизмеримость* рассматривается как глубокий онтологический факт. Возможно, одной из предпосылок подобного воззрения Кузанца была его работа по реформированию Юлианского календаря. Особенность этого календаря (в отличие от Григорианского) состоит в том, что он основан на согласовании многих циклов: суточного, солнечного годового, лунного, зодиакального движения планет. Считать этот календарь ошибочным можно не столько выявив погрешности измерений, сколько обнаружив факт несоизмеримости самих небесных циклов: «...в приложении к астрономии ты легко заметишь, что вычислительное искусство лишено точности, раз оно исходит из предпосылки, что движением Солнца можно измерить движение всех других планет» [Николай Кузанский, 1979. С. 96]. Но звездное небо для философа того времени, по-видимому, было той областью чувственного бытия, в которой божественная гармония проявляется в наиболее «чистом виде». Таким образом, астрономия должна была указывать, что несоизмеримость – не частный парадоксальный момент математики, а глубинное свойство устройства мира.

В своих математических работах Кузанский постоянно обращается к несоизмеримым величинам. Так, в трактате «Математические дополнения» он приходит к выводу о

неразрешимости проблемы квадратуры круга. Окружность и отрезок не могут быть приравнены качественно, и количественно они несоизмеримы. Вписанный в окружность n -угольник при увеличении числа n будет только приближаться к окружности, но никогда не станет тождественным ей. Такое понимание содержит мысль о потенциальной бесконечности. Если допустить, как это сделал Кузанец, существование *актуальной бесконечности*, то в ней несоизмеримые количественно величины окажутся *соизмеримыми*, а качественно разные геометрические формы *отождествятся*.

Переход от потенциальной бесконечности в область актуальной бесконечности не может совершаться «по непрерывности», он предполагает *скачок* – попадание разом в область, трансцендентную по отношению к конечным сущностям.

Математик, пытающийся получить точное знание о величине в виде числа и осуществляющий для этого измерение, в случае несоизмеримой величины сталкивается с неопределимым объектом, о котором он не может получить знание. Длина круга непознаваема в том смысле, что ее невозможно измерить отрезком. Для процесса исчерпания ее рациональными мерами иррациональная величина выступает как недостижимая цель. Также и объект X , как он есть в себе, выступает *недостижимой бесконечной целью* для все более точных знаний. Таким образом, между иррациональностью величин в онтологическом плане и непознаваемостью в гносеологическом плане возникает отношение соответствия.

Единство противоположностей

Николай Кузанский существенно опирается на тексты Дионисия Ареопагита; при этом трактует их, с нашей точки зрения, предельно интеллектуалистически, выделяя три основных положения:

- Бог непознаваем;
- непознаваемость Бога такая же, как непознаваемость единства противоположностей; разумное интуитивное созерцание единства противоположностей является *критерием* приближения к истине и восхождения к Богу;
- Бог познается непознаваемо.

Можно предположить следующие моменты в мысли Кузанца.

1. В онтологическом плане иррациональность величины аналогична противоположности. «Эта непостижимость совпадения противоположностей для рассудка и есть корень всех его утверждений... отсюда пропорция, отсюда иррациональность отношения диагонали к стороне квадрата, потому что иначе потребовалось бы совпадение четного с нечетным» [Николай Кузанский, 1979. С. 224].

2. Область совпадения противоположного, в которой несоизмеримые сущности получают соизмеримость – это область актуальной бесконечности. В христианском богословии понятие бесконечности используется как одно из имен Бога.

3. Различные характеристики трансцендентного – непознаваемость, бесконечность, иррациональность величины, тождество противоположностей, – могут быть объединены, если их относить к единой области, с точки зрения богословия подлинно трансцендентной – к Богу.

4. Принцип совпадения противоположностей выступает регулятивом познания – оно нацеливается на обнаружение противоположностей и восхождение в ту область, которая *выше* самого противоположения.

Отметим, что сближение непознаваемости иррациональных величин, бесконечности, тождества противоположностей с непознаваемостью трансцендентного Бога закладывает *тенденцию секуляризации богословского апофатического мышления*.

Связывание онтологического и гносеологического аспектов «ученого незнания» за счет модели знания

Выше мы показали, что за счет пропорции в качестве модели знания устанавливаются соответствия между гносеологией и онтологией. Предметно-онтологическая модель знания задает особую мыслительную область – *область мета-знания*. То, что одна и та же модель может относиться к двум разным планам – к плану гносеологии и онтологии, – позволяет *переносить результаты, полученные в одном плане, в другой*. Понятое за счет рефлексии знания начинает «продвигать» онтологические построения, а результаты онтологической модельной работы – определять аспекты рефлексии и использоваться в качестве регулятива способов мышления.

Первая возможность, которая при этом открывается – это возможность предметно представить *знание о незнании*. Николай Кузанский пишет о незнании сразу же, как только вводит модель знания. Действительно, по Кузанцу, исследователь получает *знание*, сравнивая неизвестный объект X с чем-то известным M , и при этом всегда оказывается, что объект X остается до конца *непознанным*. Понятие иррациональной величины позволяет «схватывать» *одновременно, в едином представлении оба противоположных аспекта* этой ситуации:

– пропорция выражает тот факт, что осуществляется познание, и некоторое знание является его результатом;

– несоизмеримость, проявляющаяся в потенциальной бесконечности измерения, выражает тот факт, что объект не совпадает со знанием и до конца не постижим.

Выраженное в модели пропорции «незнание» оказывается таким отрицанием «знания», которое вбирает в себя отрицаемое.

Еще раз подчеркнем: описанные выше соответствия между онтологией и гносеологией получены как результат построения определенного *мета-знания о том, как устроено незнание*. Именно противопоставление знанию объекта – как бесконечной познавательной цели – и выступило основанием объединения математических, онтологических, гносеологических и богословских представлений.

Выход за пределы исходной модели знания

Рассуждение Николая Кузанского исходным пунктом имело *несоизмеримость* конечных вещей друг с другом и их с бесконечным Богом (абсолютным максимумом). Но абсолютный максимум как актуальная бесконечность, по Кузанскому, соединяет в себе все противоположности и тем самым оказывается *всеобщей мерой*, за счет которой все *соизмеримо со всем*.

Рассуждение пришло к утверждению, *противоположному* посылке. В этом, с нашей точки зрения, проявилась *диалектичность* мысли Кузанца. «Ученое незнание» является *отрицанием отрицания* в отношении к знанию. Если в формальной логике двойное отрицание не меняет посылки, в диалектике отрицанием отрицания создается приращение содержания.

В рассуждении Кузанского действительно возникло новое содержание. Исходно в модели знания вещи X и M брались как *готовые объекты*, но восхождение к абсолютному максимуму и нисхождение от него открыло их *генезис*: они стали мыслиться как *развертывающиеся* из абсолютного максимума, а последний выступил как их *свертка* ($\infty \rightarrow X$, $\infty \rightarrow M$). В генетически исходной точке абсолютного максимума, по Кузанцу, осуществлена полная *соизмеримость* ($X/M = \infty / \infty = 1$), и тем самым именно в ней достигается *точное знание*.

«Соизмеримость и тем самым точность знания» – это выражение свидетельствует, что новое содержание по-прежнему соответствует исходной модели знания. И вместе с тем *оно уже выходит за границы этой модели и отрицает ее*. Открывается новый путь познания, иной, чем сопоставление друг с другом разрозненных и ставших вещей. Для Кузанского представление о постижении Бога за счет восхождения в область совпадения противоположностей выступает *знанием о знании* более глубоким и истинным, чем то, что выражено в исходной модели. Последнее теперь относится Кузанцем к ограниченной сфере рассудка, а первое – к разуму.

Выводы

В начале работы мы отметили, что Николай Кузанский придает статус первичности незнанию и несоизмеримости. Согласно нашей реконструкции, этот поворот мысли не случаен, он нужен для разрешения определенной проблемы. Кузанский как мыслитель творил в социокультурной ситуации разрушения единой онтологической картины мира. В такой ситуации гносеологическая проблематика выходит на первый план, и возникает потребность в особых мыслительных средствах, связывающих онтологию и гносеологию. По нашей реконструкции, Николай Кузанский разработал такое средство, и оно было охарактеризовано нами как предметно-онтологическая модель знания. Эта модель выражала рефлексивное знание об устройстве самой проблемной ситуации и оформляла перевод ситуации в метод проблематизации – «ученое незнание». Модель позволила Кузанскому в едином представлении охватить разнородные содержания: непознаваемость иррациональных величин,

бесконечность, тождество противоположностей, непознаваемость и трансцендентность Бога. Тем самым в философии Кузанца достигался синтез различных знаний и вместе с тем закладывалась тенденция секуляризации богословского апофатического мышления. При этом пропорция оказалась такой моделью, которая содержит в себе идею всеобщей меры как генетического первоначала всех вещей. Таким образом, уже в исходной работе Николая Кузанского «Об ученом незнании» была заложена диалектическая форма развития системы философии немецкого мыслителя.

Список литературы

- Николай Кузанский.* Об ученом незнании // Избр. филос. соч. М., 1937.
- Николай Кузанский.* Об ученом незнании // Соч. М., 1979. Т. 1.
- Пригожин И.* От существующего к возникающему. М., 1985.
- Фихтенгольц Г. М.* Курс дифференциального и интегрального исчисления. М., 1966. Т. 1.
- Щетников А. И.* Пифагорейское учение о числе и величине. Новосибирск, 1997.

Материал поступил в редколлегию 15.01.2007